

© Белов В.Б.¹

Германия как хозяйственно-политический актор на Большом Ближнем Востоке: между стратегической инерцией и геоэкономической адаптацией

Аннотация. В статье рассматривается эволюция составной части комплексной геоэкономической стратегии ФРГ – хозяйственно-экономического направления внешней политики официального Берлина в отношении макрорегиона Большого Ближнего Востока (ББВ). Автор рассматривает не только традиционные форматы энергетического партнерства и торгово-инвестиционного взаимодействия Германии со странами ББВ, но и потенциальные возможности ФРГ для участия в «зелёной» трансформации макрорегиона. Указывается, что экономическое присутствие ФРГ в регионе сохраняется, несмотря на структурные вызовы, институциональные ограничения и фрагментацию союзнической архитектуры. Германия рассматривается как экономико-политический актор, стремящийся к стратегической стабилизации своего влияния в макрорегионе ББВ, воспринимаемым не только как источник угроз, но и как потенциальное пространство для устойчивого кооперационного развития. Особое внимание уделяется динамике водородной дипломатии, роли германских институтов развития, изменениям в логике инвестиционного партнерства и попыткам ФРГ диверсифицировать энергетическое взаимодействие. Статья основывается на комплексном анализе официальных документов, материалов экономической статистики, а

¹ Белов Владислав Борисович – кандидат экономических наук, член дирекции Института Европы РАН, заведующий Отделом страновых исследований, руководитель Центра германских исследований ИЕ РАН (belov@instituteofeurope.ru). ORCID: 0000-0002-5096-193X.

также экспертных оценок, в которых акцентируется необходимость стратегического перезапуска инструментов и моделей взаимодействия Германии со странами ББВ. Делается вывод о возможном повышении роли ФРГ в формировании устойчивой архитектуры энергетической безопасности в макрорегионе в последующие годы.

Ключевые слова: Германия, Большой Ближний Восток, экономическая безопасность, водородная дипломатия, геоэкономика, энергетическое партнерство, инвестиции.

Макрорегион Большого Ближнего Востока (ББВ) остается одним из ключевых направлений внешней политики Германии, особенно в контексте вопросов энергетической безопасности, устойчивого развития и конструктивного взаимодействия ФРГ с государствами ББВ. В немецкой официальной терминологии используется преимущественно обозначение «регион Ближнего Востока и Северной Африки» (*англ.* Middle East and North Africa, MENA; *нем.* Naher Osten und Nordafrika), однако по существу его география охватывает более широкий спектр стран, включая Левант, страны Персидского залива, Иран, Йемен и частично Турцию и Судан. Официальные структуры, в том числе Федеральное министерство иностранных дел Германии (*нем.* Auswärtiges Amt), определяют MENA как регион, включающий Северную Африку (Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет) и Ближний Восток (Сирия, Ливан, Иордания, Палестинские территории, Израиль, Ирак, Иран, Йемен, а также страны Персидского залива). Министерство экономического сотрудничества и развития (*нем.* Bundesministerium für internationale Zusammenarbeit, BMZ) в рамках германской политики помощи развитию рассматривает MENA как один из приоритетных регионов кооперации, в который входит 19 стран от Марокко до Ирака и Йемена (иногда – в зависимости от тематики (развитие, миграция, климат) – в него также включают Турцию и Судан). Министерство обороны (*нем.* Bundesministerium für Verteidigung) рассматривает макрорегион ББВ в более широком геостратегическом контексте (Восточное Средиземноморье, Персидский залив и прилегающие регионы Северной и Восточной Африки). На уровне Европейского союза Германия действует в рамках Европейской политики соседства: к числу стран – партнеров ЕС относятся Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Палестина, Сирия, Тунис [European neighbourhood ... , 2021]. В феврале 2021 г. Брюссель принял решение активизировать хо-

зяйственно-политическое партнерство с указанными странами, обновив направление «Южное соседство». Конкретные мероприятия были представлены в «Экономическом и инвестиционном плане Южного соседства для южных соседей» [Renewed partnership ... , 2021 ; Furness, 2024].

В нашем исследовании принимается официальная позиция Берлина в отношении макрорегиона ББВ – геополитического пространства, охватывающего Северную Африку, страны Леванта, Персидского залива, Иран, Йемен и частично Турцию и Судан. Актуальность изучения подхода Германии к проблемам хозяйственно-политической безопасности в этом регионе обусловлена совокупностью факторов: стратегическим значением региона для энергетического сектора Европы, региональной нестабильностью и, соответственно, необходимостью участия Берлина в многостороннем управлении кризисами. Отметим особую важность настоящего исследования для России, которая является одним из ведущих геополитических игроков на ББВ. До сих пор в отечественной литературе основное внимание, как правило, уделялось политике Берлина по отношению не к хозяйственно-экономическим, а к военно-политическим и миграционным аспектам безопасности в регионе (см., напр.: [Белов, Бочаров, 2025; Камкин, 2022 ; Павлов, Хдери, 2018 ; Прохоров, 2023 ; Трунов, 2022 ; Трунов, 2024 ; Трунов, 2025, с. 481–602 ; Ханнанова, 2017]). Настоящая статья призвана в определенной мере заполнить существующий пробел. Ее цель – проанализировать германский подход к проблемам экономической безопасности на Большом Ближнем Востоке, с особым акцентом на инструменты внешнеэкономической политики и развитие энергетического партнерства с рядом стран региона.

Энергетическая безопасность – ключевая переменная германского экономического присутствия в макрорегионе ББВ

Макрорегион ББВ (в интерпретации официальных германских политико-экономических и внешнеполитических документов) занимает центральное место в концепции энергетической безопасности ФРГ. Несмотря на существенные изменения в глобальной энергетической архитектуре и попытки Берлина в последние годы снизить зависимость от импорта ископаемого сырья в

условиях ускоренного «зелёного» перехода и украинского кризиса, ББВ сохраняет решающее значение для германского экономического штандорта с точки зрения стабильности энергетических потоков, диверсификации источников поставок и перспектив водородного партнерства.

Во-первых, традиционные энергопоставки (нефть, СПГ) из стран Персидского залива остаются важным компонентом энергетического баланса ФРГ, особенно после резкого сокращения поставок из России. В 2022–2024 гг. увеличились закупки сжиженного газа у Катара, что зафиксировано в договорах между концернами RWE, ConocoPhillips и QatarEnergy, согласно которым начиная с 2026 г. предусмотрен импорт до 2 млн т СПГ в год через терминал Брунсбюттель [QatarEnergy ... , 2022]. Хотя в данном случае объёмы СПГ несопоставимы с прежними российскими трубопроводными поставками, эти контракты стали частью стратегии «энергетической дипломатии» Германии по замещению выпавших объёмов энергоресурсов из РФ.

Во-вторых, «зелёная» трансформация экономики увеличила «многослойность» энергетического взаимодействия Германии с макрорегионом. С 2020 г. Берлин активно развивает различные инициативы в рамках Национальной водородной стратегии, рассматривая ряд стран ББВ как потенциальных поставщиков «зелёного» и «голубого» водорода, – особенно Саудовскую Аравию (проект «Neom / Helios»), ОАЭ (меморандумы германского концерна Hydrogenious LOHC с эмиратскими компаниями ADNOC и Masdar), Оман и Египет. ФРГ инвестирует не только в инфраструктурные элементы (терминалы, линии передачи, жидкие органические носители водорода (*англ.* liquid organic hydrogen carriers, LOHCs)), но и в институциональную среду, поддерживая диалоговые платформы через Германское общество международного сотрудничества (*нем.* Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit, GIZ), Немецкое энергетическое агентство (*нем.* Deutsche Energie-Agentur) и другие партнерские структуры [Naher Osten ... , 2022 ; Quitzow, Nunez, Marian, 2023].

В-третьих, гибридные формы энергетического присутствия включают участие германских компаний и научных институтов в проектах устойчивой энергетики в регионе. Немецкие концерны (такие как Siemens Energy, Thyssen Krupp, Linde, Hydrogenious LOHC) задействованы в проектах разработки водородной логистики, строительства электролизеров, солнечных и ветровых ферм.

Это расширяет кооперацию в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – от торговли энергоносителями к совместной разработке технологий и локализации ВИЭ-компонентов.

В-четвертых, геоэкономическая конкуренция оказывает постоянно усиливающееся давление на Германию как «технологического, а не силового» игрока. Страны Персидского залива и Восточного Средиземноморья становятся полем конкурентной борьбы ФРГ с Китаем, США, Францией, Италией. Германия сохраняет позиции, используя сетевую дипломатию, техническую экспертизу и участие в региональных форумах, но сталкивается с ограничениями военно-политического характера и нехваткой стратегической воли.

Наконец, в-пятых, уязвимость поставок и логистики через Ормузский пролив, Суэцкий канал и Восточное Средиземноморье создает риски для энергетической безопасности, которые Германия пытается компенсировать через многосторонние инициативы – диверсификацию маршрутов через Восточную Африку, участие в миссии ЕС EUNAVFOR ASPIDES, инвестиции в резервные мощности и стратегические хранилища.

Таким образом, макрорегион ББВ является одновременно поставщиком ресурсов, полигоном энергетической трансформации и аренной геоэкономического соперничества. С точки зрения официального Берлина, это означает, что Германии необходимо сохранять здесь устойчивое, хотя и адаптивное энергетическое присутствие с опорой на экономические, технологические и дипломатические инструменты.

Торгово-инвестиционное измерение: Германия как экономический актор без политической поддержки

Несмотря на сокращение доли ББВ в структуре германского внешнеэкономического оборота, торгово-инвестиционное присутствие Германии в регионе сохраняет устойчивый характер со стабильным интересом со стороны немецкого машиностроения, химической промышленности, высокотехнологичных компаний и институционально поддерживается через двусторонние торговые палаты, программы экспортного кредитования и проектное участие в сферах цифровизации, логистики и «зелёной» экономики.

Торговля: структура, объемы и географические акценты.
На фоне глобальных логистических сдвигов и нарушений цепочек

поставок в 2022–2024 гг. ФРГ сохраняла активные экспортные позиции в ряде ключевых стран региона – Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Израиле, Египте. Основу германского экспорта составляли машины и оборудование, автомобили, продукция химической и фармацевтической промышленности. В импорте преобладали энергоресурсы и сельскохозяйственная продукция¹.

Прямые инвестиции: ограниченность масштабов и нишевые форматы. В отличие от США, Великобритании и Франции, ФРГ не имеет в регионе доминирующих позиций по ПИИ. Германские компании наиболее активны в сферах промышленного инжиниринга, фармацевтики, логистики, а также в области поставок компонентов для энергетической и водной инфраструктуры. Эксперты указывают, что совокупные накопленные ПИИ Германии в регионе являются весьма скромными по сравнению с вложениями в европейский, североамериканский и китайский штандорты. Один из ведущих германских инвесторов на ББВ – концерн Siemens (проекты в Египте, ОАЭ и Иране).

Торговые палаты и институциональные механизмы сопровождения. В ряде стран региона действуют двусторонние германские торговые палаты (*англ.* German Chambers of Commerce Abroad; *нем.* Auslandshandelskammern, АНК), в том числе в Иране, Саудовской Аравии, ОАЭ, Турции, Израиле. Они обеспечивают инфраструктуру «мягкой силы», продвигая германские стандарты, язык, бизнес-культуру и формы устойчивого делового взаимодействия. Важную роль играют инициативы немецких бизнес-отделов (*англ.* German Business Desk), действующих через региональные бюро GIZ.

Стратегия диверсификации: новые рынки и логистическая логика. В условиях деглобализации и продвижения концепции «дружественного размещения» (*англ.* friendshoring) Германия проявляет интерес к южному и восточному флангам ББВ – Иордании, Оману, Бахрейну, Марокко (как переходной зоне в Северную Африку) – с целью локализации производства, создания логистических хабов и обеспечения резервных поставок. Взаимодействие с

¹ Товарный экспорт ФРГ в макрорегион ББВ в 2003 г. составил 22,3 млрд евро (3,0% от совокупных поставок), в 2013 г. – 53,5 млрд евро (3,7%), в 2023 г. – 46,9 млрд евро (2,8%). Показатели по импорту были равны 9,9 млрд евро (1,6%), 22,5 млрд евро (1,9%) и 30,9 млрд евро (2,1%) соответственно [Drehzscheibe im Handel ... , 2025].

этими странами подкрепляется соглашениями о двустороннем сотрудничестве, а также программами устойчивого развития и финансирования через государственный инфраструктурный банк KfW (нем. Kreditanstalt für Wiederaufbau) и его дочернюю структуру Германское общество инвестиций и развития (нем. Deutsche Investitions- und Entwicklungsgesellschaft, DEG).

Ограничения: санкционные и политические барьеры. В настоящее время некоторые рынки (Сирия, Ливан, Иран) остаются либо крайне чувствительными к санкционным режимам ЕС и США, либо вообще недоступными, что ограничивает возможности для наращивания здесь германского присутствия и снижает эффективность долгосрочного инвестирования. Кроме того, отсутствие стратегической поддержки со стороны Берлина снижает конкурентоспособность германских компаний в государственных тендерах и инфраструктурных мегапроектах региона (притом, что Франция и США оказывают такую поддержку своим компаниям).

Таким образом, по состоянию на середину 2025 г. Германия сохраняет экономическое присутствие в макрорегионе ББВ, однако оно имеет технологически-логистический характер без (желательного) сильного политического сопровождения. В результате позиция ФРГ оказывается восприимчивой к геополитической конкуренции, но одновременно – более гибкой в построении партнерских и нишевых форматов в долгосрочной перспективе.

Энергетическое измерение: Германия между углеводородной зависимостью и «зелёной» адаптацией

Энергетика остается ключевым направлением германского экономического интереса на Большом Ближнем Востоке. Для ФРГ макрорегион является:

- источником традиционного энергоснабжения;
- рынком сбыта для немецких «зелёных» технологий;
- перспективной зоной производства водорода и его дериватов.

Однако стратегическая неопределенность и отсутствие политической поддержки германских фирм со стороны официального Берлина, а также усиливающаяся конкуренция со стороны США, Китая, Франции и ОАЭ осложняют реализацию системных энергетических проектов [Sons, 2023].

Углеводороды: структурная зависимость и геополитическая инерция. После отказа от российских энергоресурсов Герма-

ния увеличила закупки нефти и СПГ из стран региона – Алжира, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Катар. Последний с 2023 г. стал ключевым партнером ФРГ по поставкам СПГ (по вышеупомянутому долгосрочному контракту RWE с ConocoPhillips через терминал в Брунсбюттеле). Однако регион неспособен полностью компенсировать прежние трубопроводные поставки энергоресурсов из России [ibid.].

Водород: между меморандумами и инфраструктурными рисками. С 2020 г. Германия активно продвигает свою Национальную водородную стратегию, рассматривая страны ББВ как потенциальные хабы в производстве «зелёного» водорода. Меморандумы о развитии водородной энергетики подписаны с ОАЭ, Саудовской Аравией, Египтом, Марокко, Иорданией, Оманом. Однако большинство проектов остаются на стадии предварительных договоренностей (о намерениях), без обеспечения транспортной и ценовой логистики. Основные вызовы: нехватка инфраструктуры, высокие издержки на электроэнергию, конкуренция со стороны азиатских стран и Австралии [Naher Osten ... , 2022 ; Quitzow, Nunez, Marian, 2023].

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ): экспорт технологий и нишевые партнерства. Немецкие компании активно участвуют в проектах строительства солнечных и ветровых ферм в Египте, Марокко, Тунисе и Иордании. Показательными примерами являются:

- участие в проекте «Benban Solar Park» (Египет);
- кооперация с японской корпорацией Maгubeni в марокканской программе по ветровой энергетике;
- совместные научно-инновационные проекты в ОАЭ (проект будущего экогорода Масдар-Сити).

Тем не менее доля ВИЭ в энергетическом сотрудничестве с регионом не превышает 10% и обеспечивается в основном донорскими механизмами и программами GIZ / KfW.

Инфраструктурные ограничения и конкуренция геоэкономики. Удаленность ББВ от Германии, слабая транспортная и логистическая инфраструктура, а также правовая фрагментация государств региона являются основными препятствиями для создания энергетических цепочек поставок. В этих условиях значительно больших успехов добиваются США и Франция, использующие инструменты стратегического давления и военного присутствия в регионе. В итоге ФРГ проигрывает конкурентную борьбу, будучи

не в состоянии предложить странам ББВ полноценную инвестиционную модель энергетического партнерства.

Переход от адаптации к кооперативной зависимости. Де-факто Германия оказывается в кооперативной зависимости от партнеров, поскольку ее основная цель – энергетическая безопасность – достигается не автономно, а через соглашения со «стабильными» монархиями макрорегиона. Такой подход снижает стратегическую автономию ФРГ, но повышает энергетическую устойчивость за счет диверсификации поставок. Отметим, что долгосрочная ставка на «зелёный» водород все еще остается негарантированной / незащищенной как в политическом, так и технологическом смысле.

Таким образом, Германия сохраняет «многослойное» энергетическое присутствие в макрорегионе ББВ, однако оно во все меньшей мере определяется политической волей Берлина и во все большей степени зависит от инфраструктурных ограничений, политической воли партнеров и конкуренции со стороны «больших энергетических держав».

ФРГ и архитектура конкуренции в макрорегионе: риски утраты позиций

В настоящее время главными игроками в геоэкономической конкуренции на ББВ, охватывающей рынки энергетики, инфраструктуры, логистики, технологий и стандартов, становятся США, Китай, Франция, Турция и государства Персидского залива. В этих условиях для Германии, демонстрирующей стратегическую фрагментарность в борьбе за рынки и институциональную слабость, увеличивается риск маргинализации ее экономического присутствия в регионе [Al Malla, 2025].

Конкуренция за инвестиционные возможности: «потерянные контракты». Германские компании проигрывают тендеры на крупные инфраструктурные и энергетические проекты. Так, Siemens Energy и RWE в 2023–2024 гг. уступили китайским и южнокорейским консорциумам в борьбе за контракты в Египте и Саудовской Аравии. Среди основных причин:

- отсутствие координации немецких бизнес-сообществ с МИД и Министерством экономического сотрудничества и развития;
- нехватка механизмов политической поддержки;
- медленные процедуры принятия решений в Берлине.

В отличие от Франции (использующей стратегию бизнес-дипломатии) и Китая (опирающегося на инициативу «Пояс и путь»), германское государство не предлагает системного сопровождения для своего бизнеса.

Технологическая кооперация: потеря стандартов и позиций. Европейская система сертификации и связанный с ней экспорт немецких технических норм и стандартов (прежде всего в энергетике, транспорте, логистике, строительстве) сталкиваются с конкуренцией со стороны китайских и турецких сертификационных решений. Германия проигрывает своим конкурентам в таких странах, как Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, где ранее занимала доминирующие позиции. В наукоемких секторах экономики («зелёная» энергетика, цифровизация, логистика) происходит системная замена качественных немецких решений на более дешёвые и менее требовательные альтернативы.

Финансово-кредитное сопровождение: слабые банковские и страховые инструменты. Государственные инструменты поддержки (страховые гарантии Allianz Trade, кредиты KfW, программы GIZ) уступают по масштабу и гибкости финансовым альтернативам, которые предлагают французские (инвестиционный банк Bpifrance), китайские (банк China Exim, корпорация экспортно-кредитного страхования Sinosure) и даже американские (федеральный банк развития DFC) государственные компании. В 2022–2024 гг. десятки двусторонних проектов были закрыты или «заморожены» из-за отсутствия или задержки гарантий. Германия демонстрирует низкую оперативность принятия решений в финансовой сфере и не адаптируется к меняющимся условиям проектного финансирования.

Политическая неуверенность: проекция внутренней нестабильности на региональную политику. Приход к власти «чёрно-красного» правительства, неустойчивость прежней «светофорной» коалиции, конфликтные ситуации между руководителями федеральных министерств в 2023–2024 гг. способствовали дальнейшей утрате субъектности ФРГ в регионе. Страны ББВ во все большей степени ориентируются на Францию, Китай, Турцию, ОАЭ как на более предсказуемых партнеров. При О. Шольце Германия не смогла выстроить ни экономическую зону влияния, ни стратегические альянсы на ББВ, в то время как германские дипломаты (во главе с А. Бербок) сосредоточились на ценностной риторике,

вызывающей отторжение в странах с иным культурным и институциональным кодом [Osiewicz, 2022].

Снижение доли на региональных рынках: от равного игрока к нишевому поставщику. В период правления «светофорной» коалиции доля ФРГ в товарообороте ББВ существенно снизилась. В ключевых секторах (машиностроение, логистика, энергетика) ФРГ уступила не только США и Китаю, но и Франции и Южной Корее. Немецкие компании все чаще вытесняются из контрактов, а в экспортной структуре ББВ они занимают остаточные или вторичные позиции.

Таким образом, на начало 2025 г. характерными чертами германской экономической политики в регионе были ее фрагментарность, нехватка политической воли со стороны официального Берлина и отсутствие интеграционной логики. В условиях структурной трансформации международной архитектуры это грозит ФРГ утратой статуса системного игрока на Большом Ближнем Востоке и превращением в «реактивного поставщика», не имеющего стратегического влияния.

Стратегические возможности Германии в ББВ: окно возможностей между стагнацией и адаптацией

Несмотря на существующие ограничения, ФРГ сохраняет потенциал для активизации экономической политики на ББВ, особенно если Ф. Мерц и его правительственная команда сумеют скорректировать свою институциональную и координационную логику, перезапустив нынешнюю модель взаимодействия с государствами региона на основе реализма, гибкости и приоритетности, экономического прагматизма и отказа от механистической проекции внутренних норм на внешние партнерства [Loewe, 2025].

Перезапуск диалога по «зелёной» трансформации и совместному переходу к ВИЭ. Германия может использовать свой технологический потенциал в области ВИЭ и водородной экономики для создания новых форм партнерства со странами региона, особенно — для продвижения проектов с участием немецкого среднего бизнеса (миттельштанда) с соответствующими ESG-инструментами (*англ.* environmental, social, and corporate governance; экологическое, социальное и корпоративное управление). Среди имеющихся вариантов сотрудничества можно выделить:

- создание совместных водородных хабов с ОАЭ, Саудовской Аравией, Египтом;
- поддержку локализации производства компонентов ВИЭ в странах ББВ;
- научно-экспертный обмен и подготовку кадров.

Возврат к проектному формату «энергетических мостов». Берлин способен вновь инициировать инфраструктурные и транспортно-энергетические коридоры, связывающие ББВ с ЕС, что может стать основой геоэкономического позиционирования ФРГ как опорной державы энергетического транзита. Среди имеющихся вариантов:

- развитие логистики в портах Средиземноморья и Красного моря;
- участие в модернизации электроэнергетических сетей;
- продвижение новых маршрутов поставок сырья и водорода.

Расширение внешнеэкономических инструментов с региональной привязкой. Возможен перезапуск и таргетирование программ GIZ, KfW, Allianz Trade с их адаптацией к структуре потребностей государств ББВ. Для укрепления институционального каркаса своего устойчивого экономического присутствия в регионе Берлин может перейти от универсальных решений к использованию строно-специфичных инструментов с учетом:

- политической системы и управленческой культуры стран ББВ;
- уровня либерализации региональных рынков;
- потребности в институциональной поддержке.

Формирование гибких альянсов с региональными акторами второго уровня. Иордания, Ливан, Палестина, Египет, Тунис сохраняют доверие к Германии как государству, не имевшему колониального прошлого и способному вести диалог на равных. Правительство Ф. Мерца может предложить государствам ББВ:

- поддержку малых и средних предприятий;
- партнерство в области образования и подготовки инженеров;
- партнерство в продвижении цифровых решений для обеспечения устойчивого роста.

Такие форматы могут стать альтернативой или дополнением к конкурентным стратегиям крупных держав.

Интеграция политики в формат европейской геоэкономики. На уровне ЕС ФРГ может предложить формат разделения труда и согласования позиций на Большом Ближнем Востоке. При этом Берлин может взять на себя функции:

- индустриального и технологического «якоря»;
- координатора «зелёных» инвестиций;
- защитника многосторонней экономической архитектуры.

Если это удастся сделать, Берлин получит шанс не просто сохранить, но и переформатировать свое региональное присутствие как элемент коллективной экономической безопасности ЕС.

В условиях возрастающей неопределенности и усиливающейся конкуренции Германия может из пассивного участника региональных взаимодействий превратиться в активного институционального проектировщика, ориентированного на баланс интересов и устойчивое развитие. Успех будет зависеть от воли нынешнего политического центра ФРГ, согласованности работы новых руководителей министерств и гибкости делового сообщества.

Заключение: между региональной инерцией и шансом на геоэкономическую перезагрузку

В последнее время экономическая политика Германии на пространстве Большого Ближнего Востока балансирует между стратегической инерцией и необходимостью адаптации к новой конфигурации рисков и возможностей. Стремление сохранить хозяйственно-политическое присутствие в регионе при минимальных издержках сочетается с недостаточной координацией действий государственных и коммерческих структур и неопределенностью в долгосрочных приоритетах.

Несмотря на эти ограничения, ФРГ остается одним из немногих европейских акторов, способных сочетать институциональную устойчивость, технологическую компетентность и экономическую масштабность, необходимые для реализации средне- и долгосрочной геоэкономической повестки.

Основные итоги нашего анализа таковы:

- ФРГ сохраняет региональное присутствие, хотя структура его изменилась: от прямых инвестиционных и торговых форматов – к партнерским, технологическим и кооперационным механизмам;
- существует значительный разрыв между риторикой официального Берлина и инструментами, которые он использует, особенно в области «зелёной» повестки и водородной дипломатии, где Германия за последнее время не предложила никаких масштабных решений;
- ФРГ во все большей степени воспринимает Ближневосточный регион не только как зону нестабильности, но и как потенци-

альную арену устойчивого энергетического партнерства, где Берлин может играть координирующую роль;

– внутриполитические и внутрисоюзные ограничения (в том числе бюджетные и регуляторные) сужают пространство для внешнеэкономических маневров, вынуждая ФРГ переходить к приоритизации и точечной проекции своих интересов;

– тем не менее при наличии у нового кабинета министров ФРГ политической воли и способности к интеллектуальной переработке стратегических подходов, у Германии есть шанс стать системным архитектором кооперационной геоэкономики на Большом Ближнем Востоке, особенно в водородной, энергетической и климатической областях.

Возможности для повышения эффективности германской политики в макрорегионе ББВ связаны с перспективами стратегического перезапуска новой правительственной коалицией имеющихся в ее распоряжении инструментов и переосмыслением моделей взаимодействия в реалиях трансформирующегося глобального порядка. Политика «отложенного внимания» может уступить место «партнерству нового поколения», опирающемуся на энергоэффективность, взаимную выгоду и устойчивость. Перспективы такого подхода требуют дальнейшего внимательного изучения. Полученные результаты могут быть востребованы для уточнения внешнеполитической стратегии РФ в макрорегионе ББВ.

Литература / References

Белов В., Бочаров И. (2025). Медиация вместо интервенции : подходы Берлина к конфликтам на Ближнем Востоке / РСМД. – Москва. – 23.04. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mediatsiya-vmesto-interventsii-podkhody-berlina-k-konfliktam-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 28.08.2025) [Belov V., Bocharov I. (2025). Mediation instead of intervention : Berlin's approaches to conflicts in the Middle East [*Mediatsiya vmesto interventsii : podkhody Berlina k konfliktam na Blizhnem Vostoke*] / RIAC. – Moscow. – 23.04. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mediatsiya-vmesto-interventsii-podkhody-berlina-k-konfliktam-na-blizhnem-vostoke/> (date of access: 28.08.2025)]. (In Russian).

Камкин А.К. (2022). Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ 2010–2022 гг. // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 188–212 [Kamkin A.K. (2022). The Middle East vector of Germany's foreign policy in 2010–2022 [*Blizhnevostochnyi vektor vneshnei politiki FRG 2010–2022 gg.*] // Current problems of Europe / RAS, INION. – Moscow. – N 4. – P. 188–212]. (In Russian). DOI 10.31249/apc/2022.04.08.

Павлов Н.В., Хдери К. (2018). Ближневосточный вектор внешней политики ФРГ // Современная Европа / РАН, ИЕ. – Москва. – № 5. – С. 37–48 [Pavlov N.V., Khderi K. (2018). Germany's Middle East foreign policy vector [*Blizhnevostochnyyi vektor vneshnei politiki FRG*] // Contemporary Europe / RAS, IE. – Moscow. – N 5. – P. 37–48]. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520183748>.

Прохоров К. (2023). Ближневосточная политика Германии на современном этапе / РСМД. – Москва. – 20.12. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/blizhnevostochnaya-politika-germanii-na-sovremennom-etape/> (дата обращения: 28.08.2025) [Prokhorov K. (2023). Germany's Middle East policy at the present stage [*Blizhnevostochnaya politika Germanii na sovremennom etape*] / RIAC. – Moscow. – 20.12. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/blizhnevostochnaya-politika-germanii-na-sovremennom-etape/> (date of access: 28.08.2025)]. (In Russian).

Трунов Ф.О. (2022). Вызовы для военного присутствия Германии в зонах нестабильности в Азии и Африке // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 4. – С. 160–187 [Trunov Ph.O. (2022). Challenges to Germany's military presence in zones of instability in Asia and Africa [*Vyzovy dlya voennogo prisutstviya Germanii v zonakh nestabil'nosti v Azii i Afrike*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 4. – P. 160–187]. (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.04.07.

Трунов Ф.О. (2024). Подход ФРГ к использованию военных возможностей вне зоны ответственности НАТО : мотивы интеграции или геополитики? // Вестник МГУ. Серия 27 : Глобалистика и геополитика / МГУ. – Москва. – № 1. – С. 96–110 [Trunov Ph.O. (2024). Germany's approach to the use of military capabilities beyond NATO's area of responsibility : motives of integration or geopolitics? [*Podkhod FRG k ispol'zovaniyu voennykh vozmozhnostei vne zony otvetstvennosti NATO : motivy integratsii ili geopolitiki?*] // Bulletin of Moscow State University. Series 27 : Global studies and geopolitics / Moscow State University. – Moscow. – N 1. – P. 96–110]. (In Russian). DOI:10.56429/2414 48942024 47196110.

Трунов Ф.О. (2025). Стратегическое влияние ФРГ в региональных подсистемах мира (политические и военные аспекты) : докторская диссертация / МГИМО (У) МИД РФ. – Москва. – 802 с. – URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2025/trunov-dissertatsiya.pdf> (дата обращения: 28.08.2025) [Trunov Ph.O. (2025). Strategic influence of the FRG in regional subsystems of the world : political and military aspects [*Strategicheskoe vliyaniye FRG v regional'nykh podsystemakh mira (politicheskie i voennye aspekty)*] : Sc.D. thesis / MGIMO (U). – Moscow. – 802 p. – URL: <https://mgimo.ru/upload/diss/2025/trunov-dissertatsiya.pdf> (date of access: 28.08.2025)]. (In Russian).

Ханнанова Г.А. (2017). Основные интересы и цели внешней политики ФРГ на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Вестник РУДН. Серия : Международные отношения / РУДН. – Москва. – Т. 17, № 4. – С. 760–769 [Khannanova G.A. (2017). Germany's main foreign policy interests and goals in the Middle East and North Africa [*Osnovnye interesy i tseli vneshnei politiki FRG na Blizhnem Vostoke i v Severnoi Afrike*] // RUDN Bulletin. Series : International relations / RUDN. – Moscow. – Vol. 17, Issue 4. – P. 760–769]. (In Russian). DOI: 10.22363/2313 0660-2017-17-4-760-769.

Al Malla H. (2025). What lies ahead for the new German government in the Middle East / German Institute for Global and Area Studies (GIGA). – Hamburg. –

URL: <https://www.giga-hamburg.de/en/publications/giga-focus/what-lies-ahead-for-the-new-german-government-in-the-middle-east> (date of access: 28.08.2025).

Drehscheibe im Handel mit Asien und Afrika. (2025) // Germany Trade and Invest. – Berlin. – URL: <https://www.gtai.de/de/trade/mena-region> (date of access: 28.08.2025).

European neighbourhood policy. (2021) / Diplomatic service of the European Union. – Brussels. – 29.07. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-neighbourhood-policy_en (date of access: 28.08.2025).

Furness M. (2024). The global gateway in the Southern Neighbourhood : the dilemma of investing in authoritarian MENA countries : policy brief / European Institute of the Mediterranean (IEMed). – Barcelona. – 8 p. – URL: <https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2024/03/Policy-Brief-N%C2%BA143.pdf> (date of access: 25.05.2025).

Loewe M. (2025). Middle East and North Africa : the importance of long-term effects / German Institute of Development and Sustainability (IDOS). – Bonn. – 17.02. – 2 p. – URL: https://www.idos-research.de/fileadmin/user_upload/pdfs/publikationen/aktuelle_kolumne/2025/German_Institute_of_Development_and_Sustainability_EN_Loewe_17.02.25_2_A.pdf (date of access: 28.08.2025).

Naher Osten und Nordafrika : riesiges Potenzial für Wasserstoff und synthetische Kraftstoffe aus erneuerbaren Energien. (2022) / Deutsches Zentrum für Luft- und Raumfahrt. – Köln. – 07.12. URL: <https://www.dlr.de/de/aktuelles/nachrichten/2022/04/naher-osten-und-nordafrika-riesiges-potenzial-fuer-wasserstoff> (date of access: 28.08.2025).

Osiewicz P. (2022). Staying the course ... for now : Germany's MENA policy under the Scholz government / The Middle East Institute. – Washington, D.C. – 22.06. – URL: <https://mei.edu/publications/staying-course-now-germanys-mena-policy-under-scholz-government> (date of access: 28.08.2025).

QatarEnergy, ConocoPhillips sign long-term deal to supply LNG to Germany. (2022) // Energy Connects. – Doha. – 29.11. – URL: <https://www.energyconnects.com/news/gas-lng/2022/november/qatarenergy-conocophillips-sign-long-term-deal-to-supply-lng-to-germany/> (date of access: 28.08.2025).

Quitow R., Nunez A., Marian A. (2023). Positioning Germany in an international hydrogen economy : a policy review // Energy Strategy Reviews. – Amsterdam : Elsevier. – Vol. 53. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211467X24000683> (date of access: 28.08.2025).

Renewed partnership with the Southern Neighbourhood : a new agenda for the Mediterranean. (2021) / Diplomatic service of the European Union. – Brussels. – 09.02. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/renewed-partnership-southern-neighbourhood-new-agenda-mediterranean_en (date of access: 28.08.2025).

Sons S. (2023). A new momentum : recalibrating Germany's foreign policy toward the Gulf monarchies / The Middle East Institute. – Washington, D.C. – 20.01. – URL: <https://www.mei.edu/publications/new-momentum-recalibrating-germanys-foreign-policy-toward-gulf-monarchies> (date of access: 28.08.2025).

© Belov V.B.¹

**Germany as an economic and political actor
in the Greater Middle East:
navigating between strategic inertia
and geo-economic adaptation**

Abstract. *The article examines the evolution of Germany's economic policy in the macro-region of the Greater Middle East (GME) as an integral part of its broader geoeconomic strategy. The analysis encompasses not only traditional formats of energy partnership and trade-investment cooperation between Germany and the GME countries, but also Germany's efforts to position itself in the region's «green» transformation. It is noted that Germany has managed to preserve its economic presence in the region despite structural challenges, institutional constraints, and fragmentation of alliance frameworks. Germany is portrayed as an economic-political actor striving for strategic stabilization of its influence in the GME macro-region perceived not only as a source of threats but also as a potential platform for sustainable cooperative development. Special attention is given to the dynamics of hydrogen diplomacy, the role of German development institutions, shifts in the logic of investment partnerships, and Germany's attempts to diversify the energy dialogue. The article is based on a comprehensive analysis of official documents, economic statistics, and expert assessments, highlighting the need for a strategic reboot of instruments and models of interaction between Germany and the GME countries. It concludes with an assessment of Germany's potential contribution to shaping a resilient energy security architecture in the region.*

Keywords: *Germany, Greater Middle East, economic security, hydrogen diplomacy, geoeconomics, energy partnership, investments.*

Статья поступила в редакцию (Received) 02.06.2025
Доработана после рецензирования (Revised) 13.06.2025
Принята к публикации (Accepted) 16.06.2025

¹ **Belov Vladislav Borisovich** – PhD in Economics, Member of the Directorate of the Institute of Europe RAS, Head of the Department of Country Studies, Director of the Center for German Studies, Institute of Europe RAS (belov@instituteofeurope.ru) ORCID: 0000-0002-5096-193X.